

Татьяна
Манякина

*И радостью,
и грустью
поделюсь*

**И
радостью,
и грустью
поделюсь**

СТИХИ

«Нико-Фильм»
Николо-Берёзовка,
2008 г.

*Здравствуйте, дорогие мои!
Здравствуйте долго и счастливо!
Пусть каждый ваш день, каждое
мгновение будут наполнены Радостью
и Любовью. Пусть бесконечный поток
крохотных, но светлых и искренних
мыслей и чувств вливается в
безбрежный океан вселенского Добра и
Света.*

**ХОЧЕТСЯ
ВЕРИТЬ...**

Рис. художника Юрия Туника.
Карандаш.

* * *

Так хочется верить, что время придёт,
когда повстречаемся мы в поднебесье
со всеми, кто нас ещё помнит и ждёт,
и тихо споём нашу общую песню.

Так хочется верить, что до поры,
отмеченной Богом в каких-то скрижалях,
мы будем любить и будем добры,
и след на земле свой успеем оставить.

Так хочется верить, что время не зря
позволило нам в эту пору родиться,
и наше рожденье, как утром заря.
Вот только б достойно суметь «закатиться».

Давайте же верить, мечтать и любить,
творить чудеса и петь добрые песни,
детишек растить и деревья садить,
и только потом уходить в поднебесье.

* * *

То ли выдохну,
то ли выплесну,
то ли шёпотом прокричу,
как снегами на поле выстелю
заповедное: «Я люблю!» -
не наигранно,
не заученно.
Постарайся, меня пойми,
в этом мире,
спиралью скрученном,
жизни нет,
если нет любви.
На восходе, в рассвете розовом,
на закате,
в костре зари,
в перелесочке ли берёзовом
ты услышишь слова любви.
Ты увидишь,
как в небе солнечном
треугольником журавли,
светлой радостью переполнены,
протрубили нам гимн любви.
Протяни мне ладони нежные
и крепче прижми к груди,
из холодной зимы заснеженной
в лето жаркое уведи.

* * *

Дождём серебряным
прольётся Благодать
на наши раны
и на наши души –
ещё не поздно нам
и звать, и ждать,
ещё не поздно
и смотреть, и слушать.
И, замирая,
снова верить в чудеса,
и, напрягаясь,
вновь шагать нам в гору.
Чтоб знать,
что завтра выпадет роса,
а звёзды в небе
сложатся в узоры,
чтоб слышать,
как звенит на весь эфир
весёлый смех
здорового младенца,
берёт свой посох
вечный Пилигрим,
несёт любовь
по свету в своём сердце.

* * *

О, птица – Память,
унеси меня туда,
где сказка леса
оживает наяву,
и в этой сказке
всё ещё живут
мои родные,
невзирая на года.

Там запах хлеба,
вкус воды живой
и облака,
похожие на лица,
и на ладони
шустрая синица,
и первозданный
на душе покой.

О, память сердца,
подари былой восторг,
и радость,
и хмельное счастье лета,
где я была
живым теплом согрета,
а окна в доме
выходили на Восток.

Мне говорят –
нет проку воскрешать
картины прошлого,
людей ушедших лица.
Но мне из прошлого,
как из ручья напиться,
хотя и нынешнее –
Божья благодать.

Спасибо, память, -
сердцем говорю, -
за чистый свет,
что озаряет душу,
за то, что перед будущим
не трушу,
за то, что день
сегодняшний люблю.

* * *

Когда наскучит одиночество,
когда оглохну в тишине,
я обращусь к Её Высочеству:
«Судьба, пошли дорогу мне!»
С ночными гулками перронами,
со сквозняками в поездах
и грустно-серыми воронами
на телеграфных проводах.
Даруй, Судьба, дорогу дальнюю,
и встреч таинственных вуаль,
и ленту серую зеркальную,
что под колёса стелет даль.
Когда наскучит одиночество
и серых будней хоровод,
я, вспомнив давнеепророчество,
шагну за первый поворот.
И пусть простят друзья-приятели
большие-малые долги...
я возвращусь к вам обязательно!
А ты, Судьба, лишь помоги!

Нить творчества

О, тонкая серебряная Нить! –
ты – луч Любви, немеркнувшей Надежды,
с тобою мне легко и петь, и жить,
и ткать из воздуха прозрачные одежды,
а после наряжать в них целый мир,
чтоб он, подобно радуге, светился.
Господь-творец, не маг и не факир,
своими ниточками с нами поделился.

Пора мечтаний и надежд

И снова звонкое «ку-ку» летит по лесу,
трава щетинится под пологом берёз,
пробило солнце холодов завесу,
пришла пора дождей, коротких гроз,
пора тепла, восторга, вдохновенья,
пора любви, мечтаний и надежд.
Уходят прочь нелепые сомненья,
а ветер перемен и смел, и свеж,
а сердце снова молодо, крылато.
И чувства нежные переполняют грудь –
так было с нами в юности когда-то,
так будет вновь ещё когда-нибудь...
Кукуй, кукушка, обещаю нам годы,
цвети, весна, в природе и в душе,
даруй нам, небо, ясную погоду
и рай с любимым в старом шалаше.

* * *

Несравнимы, говоришь, весна и осень,
но поверь – одна другой ничуть не хуже.
Красота! А у оврагов на откосах
снег растаял. На дорогах лужи.
На деревьях вновь грачиные базары.
Замирая, сердце ждёт опять чего-то...
А ты знаешь – не бывает весной старых.
Прочь уходит вся тоска-забота.
Забываем про болячки и тревоги,
вновь несут нас по весенним перелескам
обновлённые то ль крылья, то ли ноги,
и глаза опять полны задорным блеском.
Понимаю, как ты любишь «бабье лето»
с позолотой и тончайшей паутиной,
даже вижу, как идёшь теплом согрета
и рисуешь ты словесные картины.
Но поверь мне, что когда в твоё окошко
постучит твоя единственная Осень,
вдруг за хочешь, чтоб опять тебе в ладошки
падал свет прозрачных дивных вёсен.

Встреча

Синей синью, сиреновой далью
занавесилось счастье былое.
Я, наверно, его не узнаю,
когда встретимся вдруг весною.
Оно будет дерзким и юным,
свежим, будто листва в апреле,
и звенящим, как тонкие струны,
и летящим, как в детстве качели.
Моё счастье... как мы разминулись?
Ты досталось кому-то другому,
и вдруг встретились и улыбнулись:
ты – сочувственно, я – восхищённо.

* * *

Застынет время в капле янтаря,
перенесёт сегодняшнее в завтра:
тебя, меня и лист календаря,
и всё, что нынче так прекрасно.
Через года, столетий череду
слеза сосны разбудит нас, как в сказке.
Ты видишь, я к тебе опять иду
и за верёвочку везу салазки.

Внук родился

Элегией звёздных ночей,
симфонией раннего утра,
ноктюрном любовных речей,
сонатой морских перламутров
наполнен теперь каждый день –
я музыку сердцем ловлю,
и к звёздам распахнута дверь!
Ах, как же я снова люблю!

* * *

По углам ночные тени,
тусклый свет от ночника...
Опускаюсь на колени
пред кроваткою внука.
Разметались во сне ручки,
как в полёте два крыла.
Сладко спи, мой милый внучек!
Встанешь утром – даль ясна,
тёплый дом, родные лица,
мир Любви и Доброты.
А пока тебе пусть снится,
как легко летаешь ты.

Первые шаги

Будто маленький пингвин
по квартире шёл один,
растопырив ручки,
наш любимый внучек.
Мама с бабушкой не дышат,
как стучат сердца их слышно,
а малыш идёт без страха
от дивана и до шкафа.
Топал, падал и вставал,
за часочек так устал,
что улёгся под столом:
«Это маленький мой дом.
Я немножко отдохну,
а потом опять пойду!»

Бабушка

Для чего существует бабушка:
чтобы внуку пелёнки стирать,
по утрам детям печь оладушки,
допоздна деду свитер вязать.
Поздравлять всех родных с именинами,
в огороде цветы разводить,
бегать с сумками по магазинам,
жизнь, при этом, всем сердцем любить.
Быть весёлой, красивой и ласковой,
дом беречь, сохранять в нём уют
и придумывать добрые сказки,
где волшебные гномы живут.
Каждый день наполняя до краешков,
успевают всё без суеты
род особый на свете – бабушки –
воплощенье Любви, Доброты.

* * *

Вы сыграйте мне «Вальс цветов»
на волшебных флейтах ветров,
на прозрачных струнах дождей,
на сердечной боли моей.

Нарисуйте мне летний день,
лёгких бабочек пёструю тень,
стрекозиный прозрачный глаз,
озерцо – голубой топаз.

Сшейте мне подвенечный наряд,
за основу взяв аромат
белых ландышей в майском лесу,
по подолу нашейте росу.

Так шепчу я эльфам ночным,
что приходят к окнам моим
и приносят в ладошках сны.
Вдруг меня услышат они.

* * *

Натыкаясь на красивые стихи
говорю себе: «Всё. Больше не пишу».
Отмолю, быть может, прежние грехи
и у Господа бесстишья попрошу.
Попрошу я равновесия в душе,
взору ясности, без всяких поволок.
Успокоиться пора давно уже
и запрятать все «таланты» под замок.
Обещаю, зарекаюсь и клянусь,
но в душе моей опять покоя нет:
то грущу по пустякам, а то смеюсь
и люблю до замиранья целый свет.
Со снегами, с полнолунною тоской,
с разнотравным знойно-солнечным июлем
и осеннею порою золотой,
и с апрельским нежно-робким поцелуем.
Всё люблю: природу и людей,
ночи, полдни, тихие рассветы...
Отчего же я не соловей?
Как бы спела я про всё про это!

* * *

Снова март – зазвенели капли,
на душе и тревожно, и сладко,
снова март – грачи прилетели,
гомонят в тополевой посадке.

Улетают в бездонные выси
переклички ночных тепловозов,
и взлетают по-птичьи мысли,
розовеют под солнцем берёзы.

Снова март... Сколько их уже было...
Но всегда наполняют любовью
ветер ласковый легкокрылый,
солнце, лужи и небо в них голубое.

Слушая «Благовест»

* * *

Как нежно музыка врачует
на сердце раны, на душе,
как будто на ожоги дует –
послушал и здоров уже.
Касанье звуков ощущаю
не столько плотью, а душой,
и вот уже сама взлетаю
над повседневностью земной.
Стихают волны звуков нежных,
но не кончается полёт
души счастливо-безмятежной,
над суетой земной – полёт.

* * *

Сердце, полное восторга,
выбивается из ритма,
кажется, ещё немного —
будет тайна мне раскрыта.
Тайна счастья и блаженства,
тайна скорби и печали,
и любви извечной, женской,
и всего, о чём кричали
в поднебесной выси птицы,
и о чём шептали травы...
Знаю, как теперь молиться
и как жить.
О, Боже правый...

* * *

Так только «Благовест» поёт:
вот так – как будто бы не люди,
а небо с полем речь ведёт,
глаголом души наши будит.
Всё. Нет ни сцены, ни меня –
одни чарующие звуки.
Как будто в холод у огня
мы согреваем наши руки,
как будто лёгкая волна
слегка шуршит прибрежной галькой,
а в поднебесье чуть видна
взлетевших душ, блаженных, стайка.

Вечная тема

Я уеду за тысячи вёрст,
в тридешатое, может быть, царство,
чтоб ответить на вечный вопрос –
в чём же главное наше богатство?
Я пройду незнакомой тропой,
погляжу на моря и на горы,
полюбуюсь в степи весной
на цветочных ковров узоры.
В шумном городе буду бродить
по проспектам, всегда многолюдным,
в храме воду святую пить
и, рыдая, молиться прилюдно,
под привычную песню колёс
в полусонном вагоне с соседом
то грустить, то смеяться до слёз,
коротая время в беседах.
После множества разных дорог,
утомлённая дивным и новым,
возвращусь на родимый порог,
чтоб сказать: «Слава Богу, я дома!»
И пойму каждой клеточкой я,
что дороже всего богатства
ДОМ любимый, моя СЕМЬЯ
да «рифмоплётное» наше БРАТСТВО.

В городе зима

По снежно-рябиновым
улицам города
шагается весело,
празднично-молодо,
и дышится вольно,
и любится нежно
от радости встречи
с красавицей снежной.
Весёлою стайкой
бегут ребятишки,
пестреют нарядные
куртки, пальтишки,
и я улыбаюсь
вослед им светло —
таким удальцам
и зимою тепло!

* * *

Будто в детстве бегу под дождём,
подставляя струям ладони.
...Как безумно мы мало живём,
как бессовестно много стонем.
Солнце всходит, и птицы поют,
среди дождей на полнеба радуги,
люди добрые рядом живут,
а нас будто бы это не радует.
Всё в унынье впадаем, в тоску,
и уже непонятно откуда
потихонечку манят, зовут
то ли скрипки, а то ли трубы.
По весенней траве пробегу под дождём,
очищаясь от скверны и боли.
...Мы счастливое лето с тобой проживём
и надолго его запомним.

* * *

Опять поманит у реки костёр
и тихий перебор в ночи гитары,
неторопливый долгий разговор
на темы вечные, как мир наш старый.
Опять в глазах зажгутся две звезды,
и в сердце робко ворохнётся радость,
покажутся реальными мечты
и не реальной – будущая старость.
И лёгкость в теле – я сейчас взлечу,
взлечу осенней серебристой паутиной,
едва тебя затронув по плечу,
растаю в небе призрачную дымкой.
О, несгорающий, немеркнувший костёр,
(твое тепло реально ощущаю),
через года свои объятья распротёр,
и в тех объятях беды все сгорают.

* * *

Взахлёб читаю чужие стихи,
пью – не могу напиться,
в них радость моя и мои грехи.
Ещё глоточек, ещё страница!
Оголодала душа моя –
я так давно стихов не читала,
льются они, родниками звеня,
и целой книжки сегодня мне мало.
Врачуют мне сердце, спасают меня
чужих откровений частицы.
А в утреннем небе, птицей звеня,
муза моя кружится.

Помолчим

Пугающей стала
обыденность слов,
теряется смысл,
если фраза избита.
...Из дальних галактик,
из сказочных снов
мелодия мысли
по миру разлита.
И нет нам нужды
говорить о любви –
молчание наше
красноречиво –
поют о любви
по ночам соловьи,
и шепчутся ивы
над речкой стыдливо.
А мы помолчим –
нам слова ни к чему:
за нас всё сказали
деревья и звёзды.
Я эту любовь
всей душою приму
и миру отдам,
покуда не поздно.

* * *

Тонкой веточкой,
светлой девочкой
постучусь я
в твой страшный сон –
стану вестницей
или весточкой
от той, в которую
был влюблён.
Тихим ангелом,
белым облаком
на рассвете
тебя обниму,
всё, что было
из боли соткано,
незаметно
с собой унесу.

* * *

Шлёпает дождь
по асфальту беспечно,
зонт не раскрыв,
я иду под дождём...
Так много лет –
почти бесконечно –
мы все навстречу
друг другу идём.
Напрочь промокли
и клён, и калитка,
влагой наполнена
вдоволь земля,
но не кончается
наша попытка
встретиться вновь
посредине дождя.

* * *

Сквозь сито времени просеются стихи,
и что останется? Дай Бог, хотя бы строчка,
словечко или маленькая точка.
Ты их случайно в мусор не стряхни.

Сквозь призму Времени посмотрят на стихи далёкие
праправнучки и внуки,
Поймут ли песен наших звуки?
Узрят ли образ? Или так, штрихи...

Как написать – что чувствует душа,
изобразить – чему глаза так рады,
а может, ничего писать не надо...
А просто жить.
Ведь жизнь так хороша!

* * *

Как много нынче говорящих в рифму,
так мало ныне истинных поэтов –
как будто скрыты под секретным грифом
поэта настоящего приметы.
Поток словесный льёт неудержимо
миллионы раз всё об одном и том же.
Мы напрягаем и мозги, и жилы,
кусаем губы, ногти гложем.
Но если не дано подняться выше
своих проблем и мелочных терзаний,
то никогда нам не гулять по крышам
иных миров, галактик, мирозданий.

Степень боли

Заходится сердце в крике безмолвном,
и слёзы рекой – не унять,
умом не понять, по каким же законам
позволено детям в спины стрелять.
Ничем не понять и ничем не измерить
ту боль, что пронзает сердца матерей.
Должно быть, в обличье людском уже звери,
что жаждут насытиться кровью детей.
О, сколько ещё нам прощать и прощаться?!
О, сколько ещё неоправданных бед?!
И вместо воды слезой умываться,
и стряпать опять поминальный обед?
Что делать? В какие стучаться ворота?
Как жить, если знаешь уже наперёд:
сквозь прорезь следит за сегодняшним кто-то
и всё наше завтра на мушку берёт.
О, матери, жёны, подруги, сестрицы,
где мы растеряли и смысл, и суть?
И злобой уже перекошены лица,
и тонет во мраке наш жизненный путь.
Но, может, не поздно, ещё нам не поздно,
собрав воедино любовь и тепло,
детей защитить и в Беслане, и в Грозном,
в Москве, во всём мире, низвергнув всё зло.

* * *

Бедой застигнута врасплох
застыла, словно изваянье,
и нет пока ни слёз, ни слов,
нет даже слабого дыханья.

Молчит Вселенная, молчит,
часов не слышен ход ритмичный,
и только Время прочь летит
по траектории привычной.

Застыла на мгновенье кровь,
повисли руки, будто плети,
вопросом выгнутая бровь –
за что же снова гибнут дети?

* * *

Всё золото листвы к твоим ногам,
вся музыка небес...

А выбирает каждый сам,
и в каждом Бог, и в каждом бес.

Из запредельной высоты
глядят на нас тепло и строго
невоплощенные мечты
глазами звёзд, глазами Бога.

Незримо тает на руке
тебе отпущенное время,
а в нашей жизненной реке
ежемоментны перемены.

...Пройдёт. Забудется иль нет –
про то уже другая песня.

А нынче льётся тихий свет –
свет Осени из поднебесья.

* * *

Скажи короткое «пока» -
мы расстаёмся ненадолго,
как в синем небе облака,
пусть будет лёгкою дорога,
пусть город серый и чужой
расцвечен будет акварелью
и рядом будет пусть с тобой
любовь. Я в это верю.

* * *

Макушка лета

Пора клубничного варенья,
цветущих лип, обильных рос,
и разнотравного кипенья,
и синих над водой стрекоз.
Пора июльских жарких полдней,
пора восторга и чудес:
когда кого-то манит поле,
кого-то ждёт волшебный лес.
О, лето, благостное лето!
Я растворяюсь в тебе вновь!
Июльским солнышком согрета
моя январская любовь.

* * *

Ах, какие косы
у моей берёзы!
Нежные, пушистые –
глаз не отвести!
Моют эти косы
и дожди, и росы,
ветер всё пытается
косы расплести.
В мае у берёзоньки
сарафанчик новенький –
полотно белёное,
чёрные штрихи.
Обниму берёзоньку,
попрошу у Боженьки
мне простить печали,
слёзы и грехи.

* * *

Вечером поздним
на улицах тихо,
лишь соловей
заливается лихо —
щёлкает звонко,
заходится в трели,
и неживого
поднимет с постели.
Я вы хожу на крыльцо,
замираю
и от блаженства
глаза закрываю...
В сумерках яблони
нежно белеют,
из леса зябко
прохладю веет,
я же с крылечка
никак не уйду...
Страстный певец,
пред тобой я в долгу.

Вишнёвый коктейль

Начало августа – жара,
какой в июле не бывало,
вишнёво-пьяная пора –
я в юности такой не знала.

Вновь спеют яблоки в саду,
и небо в сад роняет звёзды,
а я у лета на виду
спешу к тебе, пока не поздно.

Вишнёвый привкус на губах,
и цвета вишни моё платье,
но в созревающих стихах
уже предзимнее заклятье.

Февральское солнце

Ветер играет
 искрящимся снегом –
с крыши сорвёт
 и в окошко запустит.
Между землёю
 и солнечным небом
зимние птицы –
 тихие гусли.
Блеск и сиянье
 морозного утра,
свежесть и бодрость
 и дышится вволю.
Кажется, с ветром
 взлететь мне не трудно
в небо пронзительно-
 голубое.

* * *

Дерзко выглядят розы в больничной палате –
царский пурпур на фоне безликой стены...
Так сгорают порой облака на закате,
так прекрасны порой предрассветные сны.
Ты уехал, оставив мне розы в подарок,
был или не был, не знаю – всё будто во сне.
Этот сон, как букет, ароматен и ярок,
этот сон, как любовь, что в тебе и во мне.
Ветер гонит по небу клочкастые тучи,
дождь то стихнет, то резко запрыгает вновь,
но сегодняшний день – он из тысячи лучший, потому
что в нём есть розы, ты и любовь.

* * *

Острое осознание
краткости бытия –
первое в жизни признание
и горечь закатного дня,
ветра упругого свежесть
и затхлого склепа мрак,
губ нецелованных нежность
и самый последний шаг.
...Как всё нелепо близко,
рядом, можно сказать,
только вчера родился,
а завтра уже умирать.

* * *

Ускользает опять от меня
Тайна, Истина, смысл бытия,
и вопросом извечным таким
снова ум одержим:
для чего кто-то жив,
кто-то жил?..

* * *

Лучше выкричать боль, лучше выплакать,
чем, запрятав, носить с собою,
со слезами обиду выплеснуть,
чтоб не стала болячка бедою.

Не легла чтоб на сердце камушком,
не застлала глаза пеленою.

Дорогая моя сударушка,
хочешь, вместе поплачем с тобою?
... Не дано изменить нам прошлое,
не известно, что будет завтра,
и «вчера», и «потом» запорошено.
Лишь сегодня живи и здравствуй!

Как в юности

Ветреной юностью пахнет апрель,
кровь будоражит и головы кружит,
весело в окна стучится капель,
небо плывёт перевёрнутой лужей.
Ночью опять беспокойные сны –
лодка и парус, наполненный ветром.
Юности давней большие мечты
снятся забытой песней неспетой.
Утро рождает надежду-зарю,
веру в весеннее преображение.
Снова, забыв про года, я люблю,
так же, как в юности, - без сожаленья.

* * *

Снова дождь – холодный занудный –
по весёлой траве, по цветам.
И поверить, право же, трудно,
что вчера было жарко нам.
Перемены весенней погоды,
как строптивой девчонки каприз,
подчиняясь ритмам природы,
настроенье – то вверх, то вниз.
Дождь закончится, солнце проглянет,
свежий глянец блеснёт на траве,
и опять за собою поманит
алый парус в густой синеве.

* * *

Будто где-то встречались уже,
на каких-то дорогах нездешних,
на каком-то крутом вираже,
мимоходом, случайно, поспешно.
Будто было уже и не раз
перекрестье теней наших быстрых,
но не помню тот день и тот час,
знаю только – всё было лучисто...
Слышу, снова неясно зовёт
в неизвестность, в дорогу, в пучину
голос, будто бы птицей поёт,
и сулит то ль судьбу, то ль судьбину.

* * *

В небе полночном косматые звёзды,
воздух пронзительно свеж...
Поздно о лете печалиться, поздно,
но не прожить без надежд.
Скоро закружится в танце метель,
будет мороз колдовать,
но, застилая к ночи постель,
буду о лете мечтать.

* * *

Квадраты чёрные полей,
готовые укрыться снегом,
и крик прощальный журавлей...
А в доме вкусно пахнет хлебом.
Вязанки лука в уголке,
в цветных мешочках – к чаю травы,
возле печи на сундуке –
весь день в дремоте кот престарый.
Размерно ходики стучат,
и жизнь течёт привычно – просто,
и баба Маня для внучат
печёт блины и ждёт их в гости.

* * *

Отрешённо смотрю за окно,
где со старых деревьев
последние листья слетают,
и от туч набежавших неуютно-темно,
и минуты, как капли дождя,
торопливо сбегают и тают.

Канет в вечность сегодняшний день,
позабудется грусть,
как и многое в жизни забылось,
лишь на веках останется лёгкая тень...
Что ж так сердце
тревожно-взволнованно
снова забилося?

* * *

Как мистически-синяя кошка
с фиолетовым блеском в глазах,
заглянул зимний вечер в окошко
и растаял в ночных небесах.
Не успела ещё наглядеться,
не успела ещё приласкать,
он исчез, и осталась на сердце
замирающей грусти печать.
Не беда – я дождусь его завтра,
налюбуюсь уже от души,
целый день повторяя, как мантру:
«Как зимой вечера хороши!»

* * *

Буду белой снежинкой
на ладонях земли,
упаду лёгким сном
на ресницы твои,
буду шёпотом звёзд,
буду эхом в горах,
буду музыкой неба
в вечных словах.
Буду нежным лучом
и дождём проливным,
буду жарким костром
и кольцом золотым.
Видишь быстро за речкой
сгорает заря,
присмотрись – и в заре
ты увидишь меня.

* * *

Снег на заборе,
как взбитые сливки –
взять бы его
и слизнуть,
так же и было
в детстве неблизком,
а вот попробуй, забудь.
Хитрая память
подбросит порою
запахи, звуки, цвета –
вновь не уснуть
под глазастой луною
ноченьку всю до утра.
Снег на ладони,
как белое чудо –
был и его уже нет...
Детство своё никогда не забуду –
дорог и чист его свет.

* * *

Поселилась в сердце любовь,
свила гнёздышко и живёт:
то погонит по венам кровь,
то тихонечко запоёт,
то зажжёт огоньки в глазах,
то прольётся чистой слезой.
От неё в жизни все мои «ах!»,
от неё и весна зимой.
Будто иволга в гуще ветвей,
затаилась любовь в душе,
жаль, что ты не знаешь о ней
и меня не помнишь уже.

В день памяти

Подступит к горлу тесный ком,
и вот уже не продохнуть...
Читая, думаю о нём.
Иголка в сердце. Давит грудь.
Я пью стихов его бальзам
или старинное вино.
Но опьяненье – лишь обман –
не даст забвения оно.
И тонко-тоненько звенит
стрелой летящей моя боль.
Смеётся, плачет и скорбит душа.
И он опять живой.

* * *

Поэты умирают в одиночку...
А может, просто к ним приходит Муза,
похожая на утреннее облачко,
прозрачная, как кварцевая друза,
и забирает в мир иных реалий,
где нет обмана, боли и страдания.
... Ушёл поэт, после себя оставив
стихи, печаль и свет воспоминаний.

* * *

Было небо, согретое солнцем,
были губы, глаза и руки,
и, как тонкое веретёнце,
всё кружил карандаш
по бумаге от скуки.

Было время, и были вёрсты,
и душа то рыдала, то пела,
и во все глаза удивлённые звёзды,
не мигая, на нас,
подроставших, смотрели.

Дули ветры то нежно, то яро,
предлагая взлететь над всем миром,
и звенела-звенела гитара,
превращая в крылатых
всех нас маленьких и бескрылых.

* * *

Я будто в коконе твоей Любви –
тепло, уютно, безмятежно,
течёт не кровь по венам – Нежность,
искрятся звёздами глаза мои.
И невесомость, и покой,
и в сердце вечное Блаженство,
и мир вокруг весь – Совершенство!
Спасибо за Любовь, родной!

Молитва

Стану смиренной,
прости меня, Господи!
Кроткою буду,
поверь мне, воистину.
Из светлых мыслей
мечта моя соткана, -
пусть же плоды её
будут пречистыми.
Верую, верю
в добро и бессмертие,
в то, что любовь
всех сильней и бесстрашнее,
верую в то,
что и вы мне поверите,
напрочь забыв
все сомненья вчерашние.

* * *

Перестану грустить
и хандре предаваться,
перестану раскрашивать
в серое быт,
научу свои губы
опять улыбаться,
попрошу своё сердце,
как прежде, любить.
И развернется небо
весеннюю синюю,
и на крыльях ветров
возвратится мечта.
Буду мудрой и нежной,
ещё буду сильной
в этот день, в этот час
и уже навсегда!

Ровесникам

Нам было пятнадцать –
теперь пятьдесят,
но память хранит
цвета, аромат
весёлого лета
кусочки-осколки:
кусочек реки
и кусочек просёлка.
Зелёный лужок,
волейбольная сетка,
закрученный пас
от подружки-соседки,
а вечером поздним
костёр и гитара,
и сладкая одурь
ночного нектара.
Мы были так молоды!
Стали моложе,
К другим милосердней,
к себе много строже.
А сердце стучит
в такт гитарного ритма:
никто не забыт
и ничто не забыто!

Про счастье

Что я знаю о счастье?
Не больше иных.
Поприветствую: «Здрaсте!»
В счастье нет выходных.
Оно рвётся из сердца
в поднебесную высь.
Оно с солью и перцем.
Скажет: «Спать не ложись!»
Оно грязной посудой
ляжет в мойке горой
и ребячьей простудой
позовёт за собой.
Моё счастье – ромашки
на июльском лугу
и пелёнки-рубашки
в белопенном тазу.
Это счастье с порога
мне «Бабуся!» - кричит.
Это счастье дорогой
под колёса летит.
И опять, запрокинув
взор свой в синь-небеса,
на мгновенье застыну:
счастье – жизнь моя вся!

* * *

Напишу другие стихи –
ни на что не похожие,
может, будут жестки и сухи,
будто коврик в прихожей,
может, будут похожи на степь –
та же сушь и запах полыни.
Вот бы выплеснуть их суметь,
как июльские ливни!
Напишу другие стихи,
как болезненный жар – бредовые,
напишу, чтобы даже глухим
колоколом звучали пудовым.

Про сны

Мы завтра заново родимся,
мы прилетим из снов далёких,
обратно в тело возвратимся.
Глаза распахнуты широко.
И непривычной на мгновенье
вдруг станет комната родная,
преодолев оцепененье,
шагнём в «сегодня», замирая
от предвкушений новой жизни,
от ожиданий и предчувствий.
А день в окно зарёю брызнет,
и ты на вкус его почувствуй.

Про любовь

Побеждала сомненья
и сдавалась опять,
уходила в межтень,
в слезодождь, в слезопад.
Обретала, теряла,
забывала и вновь,
вновь во мне оживала,
прорастала Любовь.
Малой искрой таилась
где-то в сердце моём,
а сегодня пробилась,
жарким вспыхнув огнём.

* * *

Я белому листу
судьбу свою доверю...
На подвесном мосту,
иль пред закрытой дверью –
сейчас я перед ним
и ничего не знаю,
что будет через миг...
Вдруг тайну разгадаю?..
Разложит, может быть,
всю жизнь мою, как карты,
обычный белый лист...
но это будет завтра.

* * *

Мы только гости в этом мире...
А есть ли что-то там – за гранью,
за гранью истины, сознания?..
Иль грань – стена в моей квартире?

Живём с надеждой, что когда-то
мы возвратимся и начнёмся,
травинкой малою качнёмся,
иль песней полетим крылатой.

А если нет ни дня, ни ночи
в том запредельном зазеркалье?..
И если всё, что мы искали,
лишь миг сегодняшней – не больше?..

КАЛЕНДАРЬ

I

Из вчерашних снегов
и ночного мороза
скроен день января
в пику всем кутюрье.
Топ-модели у нас –
то сосна, то берёза,
то красавица-ель,
что горит в серебре.
Под аккорды далёких
мятежных метелей
выступает сама
королева-зима,
ей мороз-удалец
лихо под ноги стелет
все меха северов,
ах, какие меха!
Рассыпает горстями
алмазную крошку,
нижет розовый жемчуг
на нить проводов,
засыпает лебяжьим
пухом дорожки
и больших городов,
и «медвежьих углов».
Ослепительно бел
и таинственно светел
этот новый родившийся
день января,

на ресницах его
лёгкий иней трепет,
на щеках зарумянилась
алым заря.

Нарисуй мне зиму

Синий лес, розовый снег
и голубые тени.
Ну, кто сказал, что белая зима?
А вечер придёт -
он будет сиреневым
и фиолетовыми дома.
Оранжевый кот
на янтарной сосне
повис апельсином заморским,
коралловых бусинок-снегирей
россыпь на тонких берёзках.
На чёрных столбах
пауков-проводов
серебряная паутина.
Возьми всю палитру
и нарисуй
зимнюю сказку-картину.

Снегири

А ты знаешь, кто такие снегири?
Это маленькие капельки зари.
Зорька алая над лесом восхо дила,
брызги-капли на берёзу уронила.
Встало солнышко над лесом, над домами,
обернулись капли-брызги снегирями.
Пролетели с тихим свистом надо мной.
Чудо-птицы, чудо-яблоки зимой!

II

* * *

Февраль засыпал нас снегами —
зима под занавес спешит
с лихвою рассчитаться с нами
и выдать снежный свой лимит.
Снега — перины и подушки,
и царской мантии меха,
и во дворе, и на опушке,
снега во всех моих стихах.
Пушистый снег, искристый, белый —
он чист и свеж, как никогда,
то робкий, то без меры смелый,
засыпал сёла, города.
Но в круговерти этой снежной
порою видится уже
весны грядущей профиль нежный
на межсезонном вираже.

* * *

Слепят глаза февральские снега,
по голубым сугробам пляшут искры,
а где-то за сугробами весна –
её дыхание уже так близко.
Подуют в марте влажные ветра,
а небо станет вдруг высоко-синим.
И тихим вечером опять поверю я,
что Бог на многое даёт нам силы.
Переживём утраты прежних дней
и этой жизни улыбнёмся заново,
и встретим прилетевших журавлей,
и вспомним о любви, что в Лету канула.

* * *

Я птицам на ладонях корм несу,
они на крыльях принесут весну
и вести добрые, и новых дней рассветы,
и от друзей далёких тёплые приветы.

Ш

* * *

Никак зима не хочет уходить,
уже грачи весну нам протрубили,
уже капли в окна звонко били,
а снег опять не устаёт валить.
То синь проглянет, зазвенят ручьи,
то с севера потянет холодами
и облака несметными стадами
закроют солнце и луну в ночи.
Никак зима не хочет уходить,
а мы так по теплу истосковались,
душой давно уж в лето перебрались.
Попробуем снега любовью растопить.

* * *

По-над лесом в поднебесье,
даль пронзая, словно спицей,
вновь с торжественною песней
мчатся птичьи вереницы.
Расплескало солнце злато,
неба синий шелк натянут,
от рассвета до заката
яркой лентой день растянут.
В этой дали, в этой выси
снова сердцу места мало.
Птицам вслед взлетают мысли.
Если б птицею я стала!

* * *

Дни длиннее, небо выше,
поездов тревожней крики,
на окне, на мокрой крыше
солнца радужные блики.
Мир проснулся, встрепенулся,
улыбнулся безмятежно,
кто-то вслед нам обернулся,
одарив улыбкой нежной.
Ароматы приключений
принесли ветра шальные,
боль прошедших огорчений
мы как будто позабыли.
По весне вольны мы верить
в то, что молодость вернулась,
заколоченные двери
счастье снова распахнуло.

IV

* * *

Полотно белёное – берёзы,
чёрным углем лёгкие штрихи.
По весне берёзовые слёзы
сладко-солоны, прозрачны и тихи.
Я ладонь подставлю под капель,
соберу хрустальную прохладу.
Милый, сумасшедший мой апрель!
Я тебе так несказанно рада!

* * *

Канитель за окном, канитель –
то снега, то дожди, то капель –
непогода-погода весенняя –
это так хулиганит апрель.
Я люблю этот месяц, поверь,
за его бесшабашный разгул,
распахну ему окна и дверь.
Вот он в душу, как в сени, шагнул.

V

* * *

Похолодело небо, стало выше,
опять в садах черёмуха цветёт,
а в ближней роще то сильней, то тише
влюблённый соловей всю ночь поёт.
И не беда, что с севера ветра
качают кроны вековых деревьев.
Он будет петь до самого утра,
и кто-то не уснёт под это пенье.
А кто-то обломает у ручья
черёмуху душистую для милой,
как жаль, что эта милая – не я.
Как холодно средь майской ночи стылой.

VI Начало лета

Качнул головкою тюльпан
навстречу утру, солнцу, свету,
качнулся, будто бы он пьян
от пробудившегося лета.
Вскипает пеною сирень,
на вишнях белая завеса,
и райской иволги свирель
уже доносится из леса.
Начало лета. Каждый день
промыт дождём, пронизан светом.
Ажурная живая тень
берёзок, шепчущихся с ветром.
- Люблю, люблю, - шепчу тебе, -
тебя люблю и это лето,
дождей слезинки на траве,
закаты, полдни и рассветы.
Восторг души – он через край,
я им готова поделиться.
Ну, чем земля наша не рай!
Как можно в лето не влюбиться!

Ромашка

Бесхитростен
любимый мой цветок –
веночек беленький
да желтенький глазок.
Но сколько в простоте
очарованья!
Не любит-любит...
Здравствуй - до свиданья...
Из белых солнышек
я сделала букет –
как будто собираю все
«да» и «нет»,
которые мне в жизни
говорили.
Я так люблю цветы!
А вы меня любили?

Свиданье летом

Капли солнца на поляне –
россыпь земляники,
в разнотравном океане
радужные блики.
Средь ромашковой кипени
разгулялось лето –
сколько неги, сколько лени,
и тепла, и света!
Вновь сошлись заря с зарёю –
ночи места нету.
Закружило нас с тобою
озорное лето.

Продолжение

Ветка жасмина в старинном кувшине,
в комнате лета густой аромат,
чёрные угли в погасшем камине –
всё это было лет двести назад.
Сад за окошком, по саду дорожка,
солнечных зайчиков лёгкая прыть,
няня седая и девочка-крошка –
локон тугой у височка завит.
Годы прошли, пролетели столетия,
ветку жасмина я ставлю в кувшин,
чье-то опять продолжаю бессмертие
жестом, дыханием, мигом одним.

VII

Июльский ливень

На части небо режут молнии
и вспарывают, словно рыбе брюхо.
И вот уже на землю сонную
в мгновение ока ливень рухнул.
Грохочет гром как обезумевший,
поток воды стеною падает,
а я смотрю в окно, задумавшись, -
июльский дождь – как он всех радует.
Жарюю смятые растения
дождю навстречу тянут руки.
Вода смывает все сомнения.
И вновь в душе надежды звуки.

* * *

Ах, курай, как душу растревожил!
Снова край родной перед глазами:
вот в ночное брат коней стреножил,
высыпали звёзды над горами.
Слышно, как в ночи поёт река,
кони не спеша хрустят травой,
от прикосновений ветерка
куст прибрежный шелестит листвою.
В полдень в небе – солнце да орлы,
крылья распластав, кружат над полем.
Берег речки, гомон детворы,
воздух, будто на меду настоян.
Как в калейдоскопе, предо мной
детство, малой родины картины...
Ах, курай! Спасибо, дорогой,
за щемящие и светлые мотивы.

* * *

Разнотравьем, многоголосьем
снова день июльский пьянит,
тенью елей и жаром сосен
дальний лес заблудиться манит.
Манит в омут речная прохлада,
за собой в поднебесье – стрижи,
окликают под вечер цикады,
спать зовут перепёлки во ржи.
Всё истомой наполнено, негой,
всё – услада глазам и душе.
Жаль, что тополь пушистым снегом
щедро нас осыпал уже.

VIII

В тёплую летнюю синь
кто-то добавил прохлады,
рос обжигающих стынь,
яблочный запах из сада.
С бархата чёрных небес
звёзд опадающих отблеск.
В памяти снова воскрес
детства далёкого облик.

* * *

Снова небо роняет звёзды,
яблоки с яблони падают –
лето совсем уже позднее.
Тёплые ветры крылья складывают.
В утренних росах – начало стыни,
предчувствие близкого холода.
Кончились буйные тёплые ливни,
кончилась наша молодость.

IX

* * *

Ах, золотая, золотая чудо-осень!
От красоты такой
вновь сердце замирает,
и журавлиный клин
тугую режет просинь,
и крик прощальный
за рекою где-то тает.
Вновь золотые косы у берёз,
монетками кружат листья по ветру.
И по утрам свежо
от белых рос,
а в полдень вновь тепло,
как будто летом.
Прощальный пир
перед долгою зимой,
хозяйка-осень землю украшает,
и нескудеющей своей рукой
она сегодня щедро угощает.

* * *

Насквозь пронизанная светом,
роняя шарф свой с позолотой,
она приходит вслед за летом,
и ею очарован кто-то.
Поэт, художник, бард известный –
всяк норовит её восславить.
Она ж, как Божия невеста,
всех женихов ни с чем оставит.
Шагая, словно королева,
походкой гордой и неспешной,
она сегодня всех согрела
мелькнувшим лучиком надежды.
Надежды, что ещё не скоро
разденет ветер наши рощи,
и снег не закружит над бором
порою тёмной полуночной.
А будет долго-долго длиться
пора пурпурно-золотая,
и будет музыка кружиться,
сердца и души согревая.

* * *

Нет грусти в осени – есть
торжество и красота,
и волшебство причудливой
палитры,
есть успокоенность,
а с нею доброта небес,
деревьев, золотом
облитых.

Нет грусти в осени,
скажи: о чём грустить?
О том, что лето снова отгорело?
Но мудрецы не устают учить,
что до прошедшего нам
не должно быть дела.

Есть день сегодняшний
и осень у крыльца,
и радость тихая,
что душу наполняет,
как у невесты,
что идёт из-под венца,
и как у матери,
когда дитя качает.

X

* * *

Гроздь рябины на мокром асфальте.
День унылый. Конец октября.
И деревья, сбросивши платья,
моют ветви в струях дождя.
День унылый, но гроздь рябины
светом солнечным налита,
как фрагмент необычной картины,
не с асфальта как будто – с холста.

* * *

Полыни привкус на губах –
примета осени, разлуки.
И горечь дыма в волосах,
и холодеющие руки,
и невозможность изменить
судьбой задуманную драму...
Как жить, как верить и любить
среди потерь, среди обмана?

XI

* * *

В капошоне из серых туч
под окошками бродит осень.
Дождь со снегом, как ёж, колюч,
будто бисер на ветках сосен.
Шелестят и шуршат всю ночь
вороха облетевших листьев,
улетают стремительно прочь
караваны и стаи птичьи.
Всё пустеет, тускнеет, чтоб враз
в белый саван укрыться поутру,
чтоб души коснулась и глаз
бело-свежая снежная Мудрость.

* * *

Я напишу тебе, что выпал первый снег –
как белой скатертью накрыв дома и улицы.
Наш первый снег, как звонкий детский смех,
предвестьем радости над безнадёгой
кружится.

Я напишу, что по ночам у нас
узор морозный окна покрывает
и в лунном свете – то ли быль, то ль сказ –
земля утраченное счастье догоняет.
Я поделюсь с тобою светлым днём,
морозной свежестью и радостью предзимья.
...А мы всё так же, не спеша живём,
стихи слагаем, как плетём корзины.

ХП

Декабрьский эскиз

Чуть за полдень –
и вот уже вечер
синевою маячит у окон,
обнимает тихонько за плечи,
полутенью
ложится на локон.
Околдовывает ультрамарином,
обещая какое-то чудо,
вновь рисует
перья павлина
на стекле,
как на сказочном блюде.

* * *

Лёгким росчерком пера
нарисую зимний вечер,
встречу, что была вчера,
или завтрашнюю встречу.
Нарисую фонари
бледно-жёлто-голубые,
что до утренней зари
на посту, как часовые.
На заснеженной скамье
очень трепетную пару,
и звенящую во мне
одинокую гитару.
Ту картину обрамлю
светло-розовой печалью
и тебе я подарю
с затуманившейся далью.

Синички

Синички – мои зимние подружки,
я вас почти что не встречаю летом.
Как яркие пушистые игрушки,
вы – чудо-украшеньё зимних веток.
Лишь только утро раннее проглянет –
спешу насыпать семечек в кормушку,
и вот уже летят, перегоняя
друг друга, мои зимние подружки.
Среди морозов и ветров студёных
я помогу вам выжить в эту зиму,
вы долетите до капелей полудённых.
Лишь только мне б самой не сгинуть.

* * *

По тихому снегу
тихонько пройду, подставляя
ладони снежинкам,
что тут же
неслышно растают.
По синему вечеру
с грустной улыбкой
пройду.
Все беды из нашего дома
с собой уведу.

«Взахлёб читаю чужие стихи».....	30
Помолчим.....	31
«Тонкой веточкой, светлой девочкой»	32
«Шлёпает дождь по асфальту беспечно»	33
«Сквозь сито времени просеются стихи»	34
«Как много нынче говорящих в рифму»..	35
Степень боли.....	36
«Бедой застигнута врасплох».....	37
«Всё золото листвы к твоим ногам».....	38
«Скажи короткое «пока»».....	39
Макушка лета.....	40
«Ах, какие косы».....	41
«Вечером поздним на улицах тихо».....	42
Вишнё вый коктейль.....	43
Февральское солнце.....	44
«Дерзко выглядят розы в больничной Палате».....	45
«Острое сознание краткости бытия»	46
Ускользает опять от меня.....	46
«Лучше выкричать боль, лучше выплакать»..	47
Как в юности.....	48
«Снова дождь».....	49
«Будто где-то встречались уже».....	50
«В небе полночном косматые звёзды» ...	51
«Квадраты чёрных полей».....	52
«Отрешённо смотрю за окно».....	53
«Как мистически-синяя кошка».....	54
«Буду белой снежинкой».....	55

«Снег на заборе».....	56
«Поселилась в сердце любовь».....	57
В день памяти.....	58
«Поэты умирают в одиночку».....	59
«Было небо, согретое солнцем».....	60
«Я будто в коконе твоей любви».....	61
Молитва.....	62
«Перестану грустить».....	63
Ровесникам.....	64
Про счастье.....	65
Про стихи.....	66
«Напишу другие стихи».....	67
Про сны.....	68
Про любовь.....	69
Про.....	70
«Я белому листу судьбу свою доверю»... ..	71
«Мы только гости в этом мире».....	72

КАЛЕНДАРЬ

«Из вчерашних стихов и ночного мороза».....	75
Нарисуй мне зиму.....	76
Снегири.....	77
«Февраль засыпал нас снегом».....	78
«Слепят глаза февральские снега».....	79
«Никак зима не хочет уходить».....	80
«По-над лесом в поднебесье».....	81
«Дни длиннее, небо выше».....	82
«Полотно белёное – берёзы».....	83

«Канитель за окном, канитель».....	84
«По холоде ло небо, стало выше».....	85
Начало лета.....	86
Ромашка.....	87
Свидание летом.....	88
Продолжение.....	89
Июльский ливень.....	90
«Ах, курай, как душу растревожил!».....	91
«Разнотравьем, многоголосьем».....	92
«В тёплую летнюю синь».....	93
«Снова небо роняет звёзды»	93
«Ах, золотая, золотая чудо-осень!».....	94
«Насквозь пронизанная светом»	95
«Нет в грусти в осени»	96
«Гроздь рябины на мокром асфальте».....	97
«Полыни привкус на губа х».....	97
«В капю шоне из серых туч».....	98
«Я напишу тебе».....	99
Декабрьский эскиз	100
«Лёгким росчерком пера»	101
Синички	102
«По тихому снегу тихонько пройду».....	103

Манякина Татьяна Георгиевна

**И РАДОСТЬЮ
И ГРУСТЬЮ ПОДЕЛЮСЬ**

Стихи

Отпечатано фирмой
«Нико-Фильм»
Николо-Берёзовка
Май 2008 г.

